

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

УБИЙСТВО В СОЛЬ МИНОР

Изменить внешность легко, но как изменить
душу?

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Убийство в соль минор

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А.

Убийство в соль минор / А. Данилова — «Автор»,
2016 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-699-91219-3

Их связали странные отношения: она придумала его, слышала во сне свою жизнь с ним, как композитор слышит главную тему будущей симфонии, он подчинился ее воле, как рояль подчиняется и отдается силе мелодии. Они молоды, богаты, талантливы, свободны, стоит ли удивляться, что вокруг достаточно завистников, желающих уничтожить обоих? Ни он, ни она не боятся смерти, гораздо страшнее – потерять музыку и мечту, уводящие туда, в детский рай, в мир воспоминаний, которые еще предстоит воплотить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91219-3

© Данилова А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

1. Сергей	5
2. Соль	11
3. Сергей	17
4. Соль	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Данилова

Убийство в соль минор

1. Сергей

Каждый человек на подсознательном уровне боится, что его примут за сумасшедшего. Особенно когда с ним случаются ужасные и необъяснимые вещи, о которых ему просто необходимо кому-то рассказать.

Так случилось и со мной в то туманное февральское утро, когда я стоял у окна с чашкой кофе в руке, все еще сомневаясь в собственном намерении выйти из дома, чтобы встретиться с девушкой по имени Лиза.

Будь она просто Лизой, я имею в виду обыкновенной девушкой из ряда моих поклонниц, я тоже, наверное, сомневался бы, но не испытывал бы и тысячной доли волнения, которое охватило меня именно в то утро. Лиза была адвокатом, причем адвокатом широкого профиля, и защищала своих подопечных (не люблю заезженного и дурно пахнущего слова «клиент») не только от тюрьмы, но, как говорили, даже от тени тюремной решетки. Или – от себя, от своих собственных и пока еще не имеющих отношения к реальным уголовным делам проблем.

Я пил кофе маленькими глотками и пытался мысленно начать разговор с этой умной и, возможно, циничной девушкой. Почему циничной? Быть может, это грубоватое слово, но мне всегда казалось, что люди, чья профессиональная деятельность связана с чужим горем, обращают непробиваемой кожей, которая не позволяет проникнуть в их жизнь отраве чужих проблем. Именно ее я называю здоровым профессиональным цинизмом. Врачи, адвокаты, судьи, прокуроры, да мало ли...

Еще я волновался из-за того, что если Лиза Травина или ее помощница Глафира Кифер хотя бы немного интересуются музыкой и ходят в филармонию, то наверняка видели меня, слушали мою музыку, а потому без труда узнают в этом испуганном молодом человеке известного пианиста.

Еще этот туман. Вот если бы светило солнце, вчерашний звонок с того света не показался бы мне таким страшным. Возможно, подсвеченный золотым сиянием солнца, он стал бы чьим-то нелепым, но достойным прощения розыгрышем. Хотя нет, кажется, я переоценил степень своей доброты к автору этой очень злой шутки.

И вот я уже на крыльце старинного особняка, в котором находилась адвокатская контора Травиной. Быть может, в другой день я оценил бы роскошь лепки на фасаде и красоту кованой ажурной решетки, но тогда я чувствовал себя крайне неуверенно и думал только об одном, вернее об одной – моей жене Валентине, чей труп я опознал три дня назад.

– Господин Смирнов?

За большим письменным столом, заваленным бумагами и книгами, сидела хрупкая русоволосая девушка и внимательно рассматривала меня. Черный свитер украшало ожерелье из крупных блестящих красных камней, что выглядело неожиданно и грубовато.

– Да, это я.

– Проходите, пожалуйста. Что, не нравится? – Она коснулась пальцами ожерелья и смешно сморщила свой маленький аккуратный нос. – Мне, честно говоря, тоже. Но говорят, эти камни приносят удачу. Садитесь.

Я сел в довольно высокое, но на редкость удобное кресло. Тотчас в кабинете появилась рыжеволосая пухленькая молодая женщина в широких песочного цвета штанах и зеленом толстом свитере.

– Это Глафира Кифер, мы работаем вместе, – представила свою помощницу Травина. – Слу-шаю вас.

– У меня была жена, – начал я неуверенно. – Еще недавно была. Она погибла три дня назад, ее зарезали в ресторане «Фог».

– «Фог»?

– Переводится как «Туман». Это новый ресторан, – повернувшись к Травиной, пояснила Глафира. – Он находится на месте ресторана «Лондон». Вернее, его просто переименовали, там какие-то проблемы были с документами. Все прочее осталось прежним.

– Известно, кто убил?

– Нет, неизвестно, – ответил я, собираясь с силами, чтобы перейти наконец к истинной причине своего визита. – Вы будете удивлены, но я пришел к вам не для того, чтобы выяснить, кто убил Валю. Да, ее убили, это точно, и я собственными глазами видел ее в морге на столе, я опознал ее. Это, повторяю, случилось три дня назад. А вчера во второй половине дня она мне позвонила. Попросила прощения за то, что надолго уехала, сказала, что у нее дела и она скоро вернется...

Женщины, слушавшие меня, переглянулись.

– Звонок с того света? – спросила Лиза.

– Что-то вроде того.

– Голос точно принадлежал вашей жене?

– Точно. Нет, я понимаю, конечно, что голос мог быть записан, и, скорее всего, это именно так, только я никак не пойму, кому понадобилось так глубоко изучить нашу жизнь, не говоря уже о том, чтобы убить Валю, а потом устроить этот чудовищный звонок. Во всем этом есть какая-то тайна, и вот в этом я хотел бы разобраться с вашей помощью.

– Где происходило опознание?

– В морге на Большой Казачьей.

– И вы действительно опознали тело вашей жены?

– Признаюсь, что находился там буквально несколько секунд, потому что едва нашел силы пройти эту процедуру. Но это была она, Валя. В сущности, она почти не изменилась, я хочу сказать, она лежала там как живая. Если бы не жуткая рана на груди, я мог бы, скажем, предположить, что это была инсценировка, что меня просто разыграли. Боже, что я несусь?

Последнюю фразу я произнес, чувствуя прилив дурноты, как если бы реальность мощным ударом обрушилась на меня, не оставляя ни малейшей надежды, что жена все еще жива.

В тот момент мне хотелось одного – чтобы эти две женщины поняли, что я не сумасшедший и что вполне допускаю возможность какой-то хитрой и злой игры, но только не воскрешение моей жены. Я очень, очень боялся за свой рассудок.

– Да вы успокойтесь. Если судить по тем фактам, о которых вы нам рассказали, здесь возможны всего два варианта. Первый – в морге была не ваша жена. Второй – звонившая вам женщина, к сожалению, тоже не она. Хотелось бы, конечно, чтобы ваша жена была жива, но мы все проверим. Как ее звали? Расскажите о том, что вообще произошло. Что вы знаете об убийстве?

– Я пианист...

– Точно, а я все думаю, где я видела ваше лицо! – воскликнула Глафира. – Вы пианист, и афишами с вашей фотографией обклеен весь город. Сергей Смирнов – «Картинки с выставки» Мусоргского, Рахманинов Концерт номер два!

Что ж, адвокат, хотя бы немного разбирающийся в классической музыке, – это всегда приятно. Я сразу стер границу между Лизой Травиной и ее помощницей, которую поначалу посчитал ее секретарем.

– Ваша жена тоже музыкант?

– Нет, Валентина не музыкант. Она хозяйка картинной галереи «Артист» на набережной.

Думаю, чтобы разобраться в том, что произошло, им надо было бы рассказать всю правду о наших с Валентиной отношениях, о нашем непростом браке. Однако я вдруг понял, что не готов так раскрываться. Особенно теперь, когда Вали нет в живых и я еще не вполне осознал этот факт, а потому все вокруг представляется мне каким-то размытым сном. Как это – ее нет? Как ее зарезали? Кто? За что? Да она была милейшим человеком! Ее просто не за что было убивать. С ней всегда можно было договориться. Вокруг галереи не было смысла искать мотив убийства. Любой художник мог выставить там свое творение, благо площадь позволяла. И необязательно это должен был быть профессиональный живописец. Это мог быть любой человек, посчитавший, что его творение достойно продажи. Сколько раз случалось, что люди творческие, но без специального образования выставляли свои работы, которые охотно покупали такие же, как они, любители. Валя считала, что любому творцу надо давать возможность показать свои работы. Если бы меня тогда спросили о чем-то конкретном, приносит ли галерея доход или что-нибудь в этом роде, вот тогда бы я точно растерялся, поскольку ничего об этом не знал. Да, время от времени Валя рассказывала, что куплена та или иная картина, и я видел, как загорались у нее при этом глаза, как она вся сияла, словно купили ее собственное творение. Но, обо всем что касалось денег, она никогда не говорила. Возможно, это потому, что деньги вообще не интересовали мою жену – она была баснословно богата.

У меня на языке вертелось: «Может, мотив убийства следует искать в ее прошлом?» Но я так и не произнес эти слова, не посмел, словно этим я предал бы ее, раскрыл бы ее тайну. Нашу тайну.

– Мой муж был настоящим бандитом, – сказала она мне в нашу первую встречу, и я сразу открыл глаза.

Больничная палата, в которой я уже не просто лечился, но, по сути, жил, в тот момент, когда я увидел Валентину, стала еще более унылой.

Я не понимал, что рядом со мной делает эта девушка в красном вызывающем платье с черной лакированной сумочкой, которую она нервно теребила пальцами с длинными блестящими ногтями. Наверное, она пришла к моему соседу по палате, который снова отправился в сестринскую кадрить медсестру Катю. Или откуда-то узнала, что я тот самый Сергей Смирнов. Пианист, карьера которого закатилась в тот момент, когда в мой автомобиль врезался грузовик. Тот, кто меньше всего хотел, чтобы его имя трепали в прессе в связи с этой аварией.

– Это вы к чему? – Я с трудом разлепил губы. – Почему вы рассказываете мне о своем муже? Вы кто вообще?

– Меня зовут Валентина.

Я отвернулся к стене. Не хотел, чтобы она видела мои еще не зажившие раны, подсохшую мазь на них, приклеенные к коже ниточки марлевых повязок. Не сказать, чтобы мое лицо было сильно изуродовано, слава богу, кости черепа не пострадали, но вот кожа в нескольких местах была порезана, порвана, и все эти раны сильно болели. Особенно я страдал во время перевязок, когда медсестра отмачивала бинты желтым раствором фурацилина или просто теплой водой.

– Если вы пришли к моему соседу, то он скоро вернется. У него процедуры, – буркнул я, желая, чтобы она ушла как можно скорее.

– Я пришла к вам, Сергей. Вы же Сергей Смирнов, пианист. Я была на вашем концерте.

– Вы журналистка? – Я резко повернулся, да так, что занyli мои сломанные ребра.

– Уверю вас, я не журналистка, поэтому не стану расспрашивать вас ни о чем. Просто хочу помочь вам. Все, что мне нужно, я узнала от вашего врача. Не поймите превратно, речь не идет о врачебной тайне. Просто я выяснила, что с вашими драгоценными руками, слава богу, все в порядке. Да и с ногами тоже. Это я к тому, что когда вы поправитесь (а вы непременно поправитесь), то сможете продолжать свою концертную деятельность. Вам нужно просто выздороветь и вернуться в прежнюю жизнь.

Голос ее звучал бодро, но эта бодрость относилась все же к ее жизни, к ее мироощущению, но не к моему.

Я почувствовал, как слезы покатались по моим щекам, попали в раны, и сморщился от боли. Прежняя жизнь? Да что она может знать о моей жизни? Моя мать, которая сидела рядом со мной в машине в момент аварии, умерла, не приходя в сознание. Чтобы спасти ее, я продал нашу квартиру. Однако все проплаченные операции не помогли, и мама скончалась за неделю до того, как в мою палату, вернее в мою жизнь, вошла эта девушка в красном платье.

Деньги я тратил в те дни с легкостью человека, вплотную столкнувшегося с тяжелой болезнью близкого, когда нет ничего важнее сохранения жизни этого человека.

Все мои прежние планы и мечты казались в то время незначительными, тем более что я сам был более-менее здоров и откуда-то знал, что обязательно восстановлюсь. Что же касается моего душевного состояния, оно было окрашено в серо-черные, холодные тона. Солнце не заглядывало в мою душу, не согревало ее.

– Не пойму, зачем вы здесь, – сказал я раздраженно, желая, чтобы она наконец ушла и я смог спокойно лечь на спину и отдохнуть от боли.

– Говорю же – хочу вам помочь. Я знаю, что вы продали квартиру, что у вас нет средств на лечение. Что вы, талантливый человек, находитесь в бедственном положении.

– Вы что, решили предложить мне продать вам свою душу? – горько усмехнулся я Мефистофелю в красном платье.

– Почти.

Я все же повернулся к ней. Красивая девушка, очень ухоженная, с внимательными умными глазами.

– Что вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы женились на мне, и тогда я сделаю для вас все, что только возможно сделать за деньги. А у меня их много.

– Вы делаете мне, человеку, который вас совсем не знает, предложение руки и сердца? Что это, грубый розыгрыш или насмешка? Я не понимаю.

– Конечно, мое предложение звучит странно, и вы не можете понять, зачем мне этот брак. Не уверена, что вы сейчас в состоянии понять, о чем я собираюсь вам сказать. Я знаю, вы еще испытываете боль, вы страдаете физически, не говоря уже о боли душевной. Поэтому я предлагаю отложить наш разговор на потом. Скажем, я приду к вам через неделю, согласны? – Не дожидаясь моего ответа, она продолжила: – А пока что я оплачу вам палату люкс, уход, лечение, лучшие лекарства, процедуры, словом, сделаю все возможное, чтобы вы как можно скорее поправились. Если вы не против, я заплачу хирургу, который делает пластическую коррекцию лица, чтобы от ваших ран не осталось шрамов. Вы согласны?

– Что вам нужно от меня?

Но она больше не сказала ни слова. Просто встала и вышла из палаты, бросив на прощание долгий задумчивый взгляд.

Я подумал, что она мне все же приснилась. Или – в порядке бреда – эта девушка хочет замуж за меня из-за фантастического наследства, обрушившегося на мою больную голову, пока я лежал в больнице.

Возможно, именно тогда, представив себя героем комедийного фильма, я впервые за долгое время улыбнулся.

Милые адвокатши задавали мне еще какие-то вопросы, но мои ответы нисколько не проясняли картину преступления. Из моего рассказа следовало, что мы обыкновенная пара, люди творческих профессий, дорогу никому не перебегали, бизнес ни у кого не отбирали, да и видимых врагов у нас как будто бы нет.

Задавали мне вопросы и о моей профессии, моих концертах. Интересовались, были ли у меня среди коллег-музыкантов недруги или завистники, которые таким вот иезуитским спосо-

бом, убив мою жену, могли бы попытаться вывести меня из душевного равновесия. Но ничего такого в моей жизни не наблюдалось.

– А что вы делали в ресторане «Фог»? – спросила Лиза Травина чуть ли не виноватым тоном.

– Ужинали, – коротко ответил я.

Разве мог я тогда признаться, что наши ужины в определенных местах, появление в определенных кругах и участие в определенных мероприятиях составляли суть наших деловых, я бы даже сказал, партнерских отношений с женой?

И уж тем более я не мог признаться, что женой в полном смысле Валя мне никогда не была. Хотя мне хотелось этого, что называется, до скрежета зубного, до судорог, и никто не знает, какую цену я готов был заплатить за обладание этой прекрасной женщиной.

Да-да, точно, тогда у Травиной я все еще находился в странном состоянии неприятия реальности. Я не мог поверить, что то женское тело с маленькой родинкой справа над губой, тело, которое мне показали в морге, и есть то, что осталось от моей жены.

– А вы не могли бы позвонить тому человеку в морге, который занимался телом моей жены, и задать ему один-единственный вопрос? Вернее два? – внезапно спросил я.

– Гере Турову? – Травина повернулась к помощнице.

– Давай позвоним.

– И что спросить?

– Родинка... Родинка справа над губой у той женщины, которую я принял за свою жену, – она настоящая или нарисованная?

В тот момент я не понимал, насколько глупо звучит мой вопрос. Должно быть, они подумали тогда, что я не в себе. Или перед ними человек, переживший детективов?

– Хорошо, а второй вопрос?

– Эта женщина когда-нибудь рожала? Дело в том, что Валя не рожала. И если вдруг окажется, что это труп рожавшей женщины, значит, это не она.

Они позвонили и выслушали судмедэксперта Германа Турова – я никогда не забуду имя этого человека. Родинка – натуральная. Женщина рожавшая. Возраст – двадцать семь – тридцать лет.

– Но Вале двадцать с небольшим! – Я чувствовал, что пытаюсь обмануть самого себя. – И она не рожала.

– Что ж, шансы на то, что это не она, увеличиваются, – улыбнулась Лиза. – А может, поедem в морг, и вы еще раз взглянете на тело? У нее есть какие-нибудь особые приметы, помимо этой родинки над губой?

– Да в том-то и дело, что есть. Под грудиной – не знаю, как правильно выразиться, на месте, которое принято называть солнечным сплетением, тоже есть родинка. Но она есть и у той женщины. И лицо, конечно. Это ее лицо, понимаете?

– Быть может, это ее сестра?

– С полным комплектом родинок, таким же телом, каштановыми волосами, губами? Ее губы, особенно верхняя... Она даже после смерти идеальна и слегка вздернута.

– Ваша жена лечила где-нибудь зубы?

– Конечно. У нее есть свой стоматолог, ее подруга. Она бы без труда опознала Валины зубы, тем более что не так давно ей ставили пломбу. Как она выразилась тогда, возле самого уха.

– Так звоните врачу и поедem в морг! Вдруг ваша жена на самом деле жива, а вы горюете?!

– Вам показали ее одежду? – спросила Глафира. – Может, это на самом деле совершенно другая женщина, просто удивительным образом похожая на вашу жену?

– Показали. Черное платье в крови, туфли, тоже черные. Думаю, такое платье есть у каждой женщины.

– А другие вещи? Украшения? Телефон?

– Нет, ничего не показали и не дали, сказали, что все это вещдоки.

– Кто ведет дело? – спросила Лиза.

– Мирошкин.

– Что ж, считайте, что вам повезло. Это очень толковый следователь и к тому же хороший человек.

Я позвонил Ларисе Чайкиной, нашему семейному зубному врачу.

– Сережа, это правда? То, о чем все говорят? Кто это сделал?

Ее встревоженный голос и посыпавшиеся, как горох, вопросы снова сделали меня слабым и больным.

– Надеюсь, это не она, – я все же нашел в себе силы произнести эту фразу.

2. Соль

Отлучаться на долгое время было делом обычным в нашей семье. Если, конечно, наш союз с Сережей можно было назвать семьей. Взрослые люди договорились, обозначили свои желания и цели, решили, что жизнь вместе будет выгодной для обоих – и вот пожалуйста, штамп в паспорте, семья.

Сейчас, после двух лет нашей жизни под одной крышей, я могу сказать, что вся эта история смахивает на какую-то дурно пахнущую сделку. Хотя, если бы не мое желание радикально изменить жизнь и придуманный мною план, кто знает, что стало бы с Сережей. Нашел ли бы он силы восстановиться и вернуться на сцену? Что-то подсказывает мне, что он, человек непьющий, или спился бы, или погиб, потонул в депрессии.

Влюбившись в пятнадцать лет в одного парня и укатив с ним в Питер, я, интернатовская девчонка, плевать хотела на то, что меня разыскивают. Я любила, меня любили, мы жили в комнатке под самой крышей в старом доме на Васильевском острове. Подворовывали, курили травку, тусили в модных барах и клубах, перепробовали весь алкоголь, название которого знали. Потом вдруг решили пожениться, купили дом в Лисьем Носу. Мой муж занялся бизнесом – сначала гонял машины из Германии, потом занялся более прибыльным и опасным делом, стал покупать и продавать «дурь». В доме появились деньги, много денег. Я с утра до ночи стояла у плиты, встречала гостей мужа, каких-то нужных или просто приятных ему людей. Для этого пристроили целую террасу, рядом с которой редкий вечер не жарились шашлыки или не запекалась рыба. Гости, ставшие частью нашей жизни, почти нашей семьей, практически жили в нашем доме. Круглосуточно работала стиральная машина, проворачивая постельное белье и полотенца, как если бы у нас была гостиница. В гостиной стоял дым, все курили, обсуждая какие-то дела, пили, ели, слушали музыку, от которой меня тошнило. Мой муж уже давно остыл ко мне и воспринимал меня просто как товарища, помощницу, молчаливую, покорную и все понимающую. Уж не знаю почему он был так уверен во мне. Ему и в голову никогда не приходило, что мне такая жизнь может не нравиться и что я пожелаю бросить его, вернуться в родной город и начать новую жизнь. Не сказать, что он стал груб ко мне, нет, он просто меня не замечал. Наша страсть постепенно превратилась в нежную привязанность двух близких и одновременно очень одиноких людей, а после я вообще стала для него пустым местом. Деньги ослепили его, заполнили собой все, чем он жил, дышал, о чем мечтал. Наш дом заняли его друзья, среди которых было много бывших уголовников. Хотя может быть, у нас скрывались и те, кто прятался от закона. Очень странные и страшные личности. Одна спальня постепенно превратилась в лежбище наркоманов – опустившихся и крепко подсевших на иглу друзей мужа. Поскольку в доме не должно было быть случайных людей, всю заботу о них брала на себя я. Мне приходилось постоянно убирать, мыть полы, стирать и готовить. На плите всегда стояла кастрюля с супом, в морозилке я держала большие пакеты свиных ребер, подготовленных особым способом, который позволял быстро и без хлопот жарить их на углях, не дожидаясь разморозки. Кофе, сахар и чай я покупала килограммами. Кладовая была забита консервами, ящиками с водкой, коньяком, виски. За нашу совместную жизнь мне пришлось сменить десять кофемашин – они работали круглосуточно, поскольку в доме никогда не останавливалась жизнь, и гости постоянно хотели пить. «Соль, кофе!». «Соль, а чай зеленый есть?». «Соль, дай пепельницу!». Солью меня звали все. Кто первый зацепился за мою фамилию Соленая, сейчас и не вспомнить.

Деньги мой муж, который так и остался в моей памяти рано повзрослевшим мальчиком, худым, нескладным, с копной спутанных русых волос и зелеными, как ивовые листья, глазами, всегда хранил в нашей спальне под кроватью. Они лежали в большом голландском чемодане,

который я купила в надежде на путешествия. Однако большую часть муж переводил на мои счета, полагая, что так будет надежнее. Он доверял мне до последнего часа своей короткой и странной жизни.

Случались, конечно, в нашей с ним жизни и неприятные моменты, когда кто-то из его друзей пытался приставать ко мне. К счастью, были и те, кто в отсутствие мужа строго следил за моей безопасностью. Видимо, на этот счет у них имелись вполне определенные инструкции.

Множество раз я пыталась уговорить мужа уехать куда-нибудь далеко-далеко, в Норвегию, скажем. Эту прекрасную страну с ее фьордами, горами и северным сиянием я знала исключительно по фильмам. Тем более что у нас были связи, которые позволили бы нам купить европейские паспорта и вообще начать новую жизнь. Понимали же, что рано или поздно все закончится и нас всех повяжут. Мой муж (не могу без слез произносить его имя) торговал наркотиками, оружием, в нашем доме совершались сделки на миллионы евро, а он, скромный парень, ходил в потертых джинсах, свитерах, майках, кедах, ездил на стареньком «Фольксвагене» и все никак не мог решиться разом все бросить, сесть на самолет и улететь вместе со мной в другую жизнь.

Быть может, он чувствовал то, о чем понятия не имели другие, – приближение смерти? А потому любого рода перемены казались ему бессмысленными, непривлекательными.

Но самое ужасное то, что больше всего раздражало меня, – это круглосуточно звучащая в доме музыка.

– Я не могу больше слушать эти звуки, – говорила я ему часто, демонстративно закрывая ладонями уши. В доме звучала особенная, блатная музыка, которая оскорбляла уклад нашего дома, несмотря на мои усилия сделать его красивым, уютным, чистым. Уж не знаю, откуда во мне было это желание устилать полы коврами и покупать дорогие фарфор и хрусталь. Думаю, это было заложено во мне природой. Безусловно, вся эта красота безжалостно пачкалась, разбивалась, но я продолжала упорно наполнять дом сервизами, вазами, коврами и даже музыкальными инструментами. Купила зачем-то кабинетный рояль, флейту и скрипку, за которыми ухаживала как за живыми существами. Однако все становилось грязным, пошлым и бессмысленным, когда в доме, где только что вымыли полы и накрыли стол, украсив его цветами, начинали звучать «магаданские напевы», а хвойный воздух пропитывался «Лесоповалом», «Бутыркой», «Муркой» и прочей тюремной классикой.

Если бы меня спросили тогда, почему же я все-таки не бросила мужа, почему не порвала с этой угнетающей и бессмысленной жизнью в окружении бандитов, я ответила бы без промедления: поначалу я любила своего мужа, а после просто чувствовала себя ответственной за происходящее с ним. Его наркотиками были деньги и друзья, с которыми он не мог расстаться. Без меня же, думаю, он вполне бы прожил. Ему подыскивали бы другую жену, такую же тихую, покладистую и незаметную. Скорее всего, ту, в жилах которой текла бы магаданская кровь, а душа реагировала бы на звучащую в доме музыку совсем по-другому.

Мой большой мальчик умер в течение часа. В доме, как всегда, была целая компания, человек двенадцать сидело за столом, я кормила их запеченной бараниной, когда муж вдруг застонал и схватился за бок. Я увидела, как по его щекам покатились слезы. Сразу же схватилась за телефон, хотела вызвать неотложку. Однако друзья не позволили мне это сделать, видимо, чего-то опасались. Они сами повезли мужа в больницу. Но не довезли, он умер по дороге. «Смерть от прорыва абсцесса с развитием общего перитонита», – скажут мне потом в больнице.

Все те люди, кто еще недавно сидел за нашим столом и обмывал очередную крупную сделку, и многие, кого я видела впервые, должны были, как мне тогда казалось, воспользоваться моим отсутствием и обчистить дом. Там было что взять. Хотя бы чемодан с деньгами.

Однако когда я поздно вечером в сопровождении близкого друга мужа Еремы вернулась домой, то была поражена. Дом кем-то заботливо заперт, защищен от воров, а в самом доме нет

ни одного из тех, кого я считала потенциальными мародерами. Не исчезла ни одна драгоценная вещь из моей спальни, ни одна купюра из чемодана (я всегда предусмотрительно натягивала под кроватью нить, чтобы знать, не покушались ли на наше богатство), ни одна картина, а среди них были настоящие – никем не оцененные, к счастью, из наших гостей – шедевры.

Ерема, огромный человек, шкаф, молчаливый и преданный нашей семье, только оказавшись дома, дал волю своим чувствам и – разрыдался. Мы с ним помянули Н. (все еще не могу спокойно реагировать на его имя), да что там, напились, и я, наверное, только тогда поняла, насколько же любила мужа. Теперь, когда его нет, я просто не знаю, как жить дальше. В какой-то момент мне показалось, что все это неправда, что он жив, что вот сейчас распахнется дверь и войдет он в окружении своей свиты, своих пахнущих деньгами, преступлениями и алкоголем дружков. Что дом наполнится шумом, ненавистной мне музыкой, сигаретным дымом, запахами горячей еды и дорогих мужских духов (бандиты поливали себя ими щедро и порой благоухали как парфюмерные лавки), голосами, смехом...

Но ничего не происходило. Тишина. Ерема сказал, чтобы я не беспокоилась о похоронах, все под контролем. Однако предупредил, чтобы я позаботилась о деньгах, чтобы переплатила их, но не от друзей мужа, а от тех, кто может появиться в доме по случаю его внезапной кончины. От представителей закона. От тех, кто находился на другом берегу нашей странной, бессмысленной, полной риском жизни. Мой муж и его друзья презирали всех, кто защищал людей от преступников, воров и убийц. Послушать тех, кто сидел за нашим столом, так среди полицейских, прокурорских работника, следователей и оперативников почти и не было честных людей. Но что еще я могла услышать от бандитов?

От выпитого у меня закружилась голова, и я улеглась в постель. Ерема принес теплые носки – до сих пор не могу понять, откуда у него, одинокого мужчины, такое понимание женщины. То, что Ерема живет один и у него нет подруги, знали все.

Вот откуда ему знать, что у меня мерзнут ноги? И как это он догадался укрыть меня пледом? И откуда вдруг на моем ночном столике появилась чашка с горячим чаем? И это после коньяка?

– Скажи, что теперь будет, Ерема? – спросила я, плотнее заворачиваясь в плед и с тоской глядя на омытое дождем окно. В доме было тихо и грустно. А еще пружина напряжения, натянутая все последние годы, разжалась, и в моей душе поселились бессмысленная свобода и пустота. Мне не надо было никуда бежать, ничего готовить, никого встречать или укладывать спать. Хозяин дома ушел, и все, кто окружал его, тоже будто разбрелись в растерянности кто куда.

– Думаю, тебе надо уехать отсюда, Соль.

Впервые мое странное прозвище прозвучало как-то особенно странно. Как густо посыпанная солью насмешка.

– Да, я тоже так думаю.

– Они первое время будут наведываться сюда. По инерции.

Он имел в виду дружков моего мужа.

– Кто поесть-попить и поспать, а кто придет и по твою душу.

– В смысле?

– Не дураки, понимают, что Н. тебе кое-что оставил. Знаешь, сколько отмороzków ты принимала здесь? Воронье. Налетит – не отобьешься.

– Хочешь сказать, что они могут появиться здесь в любое время?

– Точно сказать не могу. Надеюсь, что до похорон все же не появятся. А вот потом...

– Что же мне дом оставлять?

– Не только дом, все оставить и уехать. Вернуться всегда успеешь. А я за домом присмотрю. Тебе нужно начать новую жизнь, Валя.

– Валя? Ты назвал меня Вале́й? Как-то непривычно.

– Я вообще не понимаю, как можно было тебя, такую хрупкую красавицу, называть Солью. И кто это придумал?

Он поправил плед, погладил где-то в районе моего плеча. Похлопал, как бы проверяя его твердость или тепло.

– Знаешь, Ерема, у меня всегда было чувство, будто я жила не свою жизнь. Словно меня кто-то сильно так толкнул, и я завертелась на другой, чужой орбите. И вот ввинчивалась я туда, ввинчивалась... Ой, как же голова кружится. Не надо было так много пить.

В какой-то момент я вдруг поняла, что рассказываю это не Ереме, который между тем слушал очень внимательно, а себе. Какие-то смутные видения, ассоциации, картинки, пожелтевшие от солнца или пыли, как кадры хроники моей прошлой жизни, которую память прочно запечатала во времена моей интернатской жизни. Какие-то волшебные сады, засаженные розами, чудесная женщина, играющая на рояле и сладко пахнущая миндалем или ванилью. А может, молоком? У этой женщины была белая кожа, нежные руки с длинными пальцами, один из пальцев украшал золотой перстень с рубином в обрамлении сверкающих на солнце мелких камешков. Бриллиантов?

Еще помню вкус сырников с изюмом. Теплые, сладкие сырники, которые память связала с этой женщиной, играющей на рояле.

Конечно, это моя мать. Да вот только кто она такая, почему бросила меня, что с ней случилось, что она поступила так со своей маленькой дочкой? Если есть дом, который я хорошо помню, кусты роз, за которыми можно спрятаться, потому что они с меня ростом, рояль с вазой и букетом, и сырники, и перстень с рубином, разве это не говорит о том, что моя мать не была бедной? Обычно детей подбрасывают кому-нибудь девушки неблагополучные или те, у кого нет средств к существованию. Но моя мать явно не принадлежала к их числу. Вероятно, с ней случилось что-то серьезное, раз она решила меня пристроить в детский дом. Или она умерла?

А еще я чувствовала, что во мне, как в туго свитых нежных лепестках бутона, скрыты вполне определенные таланты. Что я по природе своей человек творческий, возможно даже, музыкант. Иначе как объяснить мое волнение всякий раз, когда я слышу голос рояля? Словно я в своей прошлой жизни была пианисткой, и рояль оказался моим самым близким другом. Или мое зародышевое существование протекало под музыку?

Конечно, признаться в этом Ереме было бы глупо. Он бы все равно меня не понял, не настолько тонкий он человек – так мне тогда казалось. Но как же хотелось поговорить с ним, с единственным близким после смерти мужа, о своих подозрениях, мечтах, пофантазировать о тайне моего рождения, в подробностях рассказать ему, как выглядел тот дом-призрак, в котором я жила свои первые дни – или месяцы, годы. Нарисовать большую комнату с высокими, в пол, окнами, роялем в одном углу и фиолетовым бархатным креслом в другом. Попытаться описать эту женщину, возможно, мою мать, высокую и стройную, по-чеховски изящную и утонченную и по-бунински живую, полную сил.

– Ерема, я бы хотела найти свою мать.

– Да это понятно, – вздохнул он. – Да только мы же искали. Тебя, девочка моя, подкинули в детский дом номер два. Мы и записи нашли, разве Н. тебе не говорил?

– Говорил, конечно. Вот только непонятно, почему мне дали такую соленую фамилию. Там ничего об этом не было сказано? Может, при мне была записка?

– В папке с информацией о тебе почти ничего нет. Только фамилия, возраст, дата, когда ты появилась в интернате.

– Так в детском доме или в интернате?

– Мы нашли сведения о тебе в интернате, но там было указано, что тебя перевели из детского дома. Получается, что ты до школьного возраста воспитывалась в детском доме, а потом в интернате. Соль, не трави ты себе душу. Живи как жила. Зачем тебе кого-то искать? Не факт, что твоя мать, даже если ты ее и найдешь, не разочарует тебя.

Надо же, какие слова, оказывается, знает Ерема. Я открыла глаза, чтобы увидеть выражение его лица в тот момент, когда он отговаривал меня ворошить прошлое. Оно было свирепо-добрым, такое вот странное лицо, и при этом еще задумчивое. Быть может, в этот момент он уже видел мою мать, опустившуюся пьяницу со спутанными волосами, нездоровой кожей и трясущимися руками. Думаю, именно от этого он и хотел меня оградить, когда советовал не искать ее.

Я провалилась в сон. Алкоголь и усталость взяли свое.

Утром мы с Еремой принялись наводить порядок. Перемыли всю посуду, полы, пропылесосили ковры. Я начала упаковывать свои вещи. Приготовила три больших чемодана, принялась укладывать свои шубы, но появившийся в дверях Ерема, такой непривычно домашний, в длинном фартуке и черной косынке на голове, посоветовал ограничиться одним чемоданом и оставить все шубы дома.

– Как это? Почему?

– Они будут напоминать тебе о твоём прошлом. Разве ты не хочешь все забыть? У тебя достаточно денег, чтобы обновить гардероб. Но ты можешь не слушать меня.

Мой муж как-то сказал мне, что Ерему знает весь криминальный Питер. Что он профессиональный убийца. Что до того, как начать зарабатывать свои кровавые деньги, он был, по словам мужа, нежным и любящим мужчиной. Но после того, как его предала женщина, которую он любил, у него помутился рассудок и сердце его окаменело. «Он ненавидит женщин».

В то утро, когда мы с ним наводили порядок в доме, когда он расхаживал в фартуке и косынке, нисколько не заботясь о том, чтобы выглядеть мужественно, он меньше всего походил на хладнокровного убийцу, киллера. Да и вообще мой муж знал его не таким, каким знала его я. При мне Ерема был послушным, преданным псом, желающим, чтобы его погладили, почесали за ушком. Смотрел он на меня всегда по-собачьи преданными, добрыми глазами. Возможно, у него в крови было желание кому-то служить, ради кого-то жить. Быть может, он надеялся, что я, покидая дом, возьму его с собой. Но уж если он решил, что мои шубы будут напоминать мне о прежней жизни, то что говорить о нем, живом свидетеле этого прошлого?

Однако спросить-то я его должна была.

– Ерема, может, поедешь со мной?

– Нет, Соль, я останусь здесь, буду охранять твой дом, займусь садом. Ты же всегда мечтала о саде.

– А если придут наши «друзья»?

– Не думай, я не стану варить им суп. И они это хорошо понимают. Друзья Н. сюда не сунутся, а шакалам здесь не место. Вот и все.

Я положила в чемодан только самое необходимое, затем мы с Еремой вытащили из-под кровати тот, другой, с деньгами.

– А с этим что делать? – спросила я.

– Эти деньги твои. Н. сделал все, чтобы ты была счастлива. А деньги могут решить многое. Главное, они помогут тебе начать новую жизнь.

– Но что я буду делать там совсем одна, в этой своей новой жизни?

– Говорю же – просто жить. Дышать, смеяться. Встретишь человека, полюбишь его, у вас появятся дети.

Он достал из кармана фартука телефон и протянул его мне.

– А это тебе подарок от меня. Здесь новая симка. Никто не должен знать этот твой номер. Звони, когда прижмет. Я всегда найду тебя, где бы ты ни была. Только постарайся его не терять. И еще. Если вдруг потеряешь, да мало ли что вообще может случиться, знай, что ты всегда можешь вернуться сюда и найти меня здесь. Или оставить записку, если вдруг меня не окажется дома. Помнишь, ты на березе делала кормушку для птиц? Там есть металлический контейнер, туда и положишь записку. Об этом месте, кроме меня и Н., никто не знал.

– Так что с деньгами делать?

– Часть положишь на свои карты, а все остальное – в разные банки. Список надежных банков я тебе приготовил. А пару миллионов зеленых оставь здесь, я сохраню. Мало ли что.

Я бросила последний взгляд на свою гардеробную. Да, Ерема был прав. Один вид этих полок, висящей на плечиках одежды, расставленной рядами обуви, которой я почти не пользовалась, потому что предпочитала ходить по дому в удобных кожаных мокасинах, навевал тоску. Каким извилистым и опасным был мой путь сюда, в Лисий Нос. И как неожиданно быстро и необратимо наш с Н. дом превратился в пристанище заблудших душ. Подгоняемых ветром отчаяния, их, словно сор, прибывало к порогу нашего дома.

– Ты поможешь мне проверить все это с банками? Не представляю, как я повезу все это в машине.

– Конечно. Я и кейсы приготовил. Пять штук.

– Спасибо тебе.

Я понимала, что надо уже действовать. Что похороны, запланированные на следующий день, разделят мою жизнь на прошлое и будущее. И что уже завтра к вечеру меня в этом доме не должно быть. Кто знает, какие незавершенные дела остались у моего мужа с кем-то из друзей, партнеров или врагов. Быть может, он не успел расплатиться или, наоборот, ему кто-то остался должен. Ерема потом разберется и сообщит мне. Но сейчас я должна подготовиться к отъезду, сделать все необходимое. Какое счастье, что у меня есть Ерема.

Это он занимается похоронами, обзванивает всех, кто наверняка будет горевать по поводу смерти Н., договаривается в ресторане о поминках, нянчится со мной. Что станет с ним после того, как дом опустеет? Неужели на самом деле будет полоть траву и сажать розы? Или продолжит дело моего мужа?

Я разложила на кровати все, что надену завтра на похороны: черное платье, черную шляпу, черные чулки, черные туфли и черные очки. Все это куплено в разное время и для разных мероприятий. И вот завтра утром эти вещи составят траурный ансамбль, в котором меня мало кто узнает. Слишком уж изысканно и непривычно я буду выглядеть по сравнению с тем, какой меня привыкло видеть окружение мужа: джинсы, майки, свитера, кроссовки, фартук, пестрые банданы на голове.

Ерема позвал меня, чтобы показать полные банкнот кейсы, собранные для банка.

– Ты готова?

Да, я была готова. Вид такого множества денег немного вскружил голову. Откуда-то со стороны окна потянуло теплым ветром вольных странствий, средиземноморским мистралем, запахом моря и горячего песка... Разноцветная карта мира, впечатавшаяся в память еще со школьных времен, запульсировала именами далеких стран, в которых мне так хотелось побывать. На какое-то время горечь утраты, еще не до конца обозначившаяся и не осознанная, была подслащена предчувствием невероятной свободы. Да что там – я вдруг почувствовала себя птицей!

Удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение.

На землю меня вернул заботливый голос Еремы:

– Я разогрел обед. Пойдем, Соль, поедим.

– Почему ты снова зовешь меня Солью? Почему все меня так называли?

– Этого никто не знает.

3. Сергей

– Я принесла вам яблоки, – сказала она мне в нашу вторую встречу. – Врач разрешил.

Прошла неделя с тех пор, как она сделала мне предложение. Она исчезла, но ее присутствие стало ощущаться во всем. Меня перевели в палату люкс, за мной ухаживали как за младенцем, чуть ли не кормили с ложечки. Да и еда была не такой, как раньше. Теперь мне приносили меню вроде ресторанного, где надо было просто проставить галочки, что и в каком количестве мне бы хотелось съесть. Масло, сыр, йогурт, овощи, фрукты, десерты. После унылых бесплатных супчиков и серых каш у меня даже аппетит появился. Вот только не понимал я, чем и как буду расплачиваться за это с девушкой по имени Валентина и зачем я ей вообще нужен. Она говорила что-то о моем восстановлении. Быть может, она решила стать моим агентом, продюсером? Увидела во мне гения-пианиста? Но я не гений, я хорошо знаю свое место среди исполнителей и скорее склонен недооценивать себя, а не обольщаться на свой счет. Да и никто не знает, насколько я восстановлюсь, смогу ли вернуться к репетициям и гастролям.

Хорошо, пусть она решила поставить на меня как на пианиста. Но зачем выходить за меня замуж? Я так разволновался, что даже позвонил своему адвокату Саше Плужникову, попросил прийти. Мой ровесник, холеный молодой человек с порывистыми движениями и умными глазами. Войдя в палату, он невольно присвистнул от восхищения.

– Ты, Сережа, наследство получил? – Он нервно хохотнул.

– Пока нет. Но, думаю, получу. – И, опережая его, я сам спросил: – Ты не знаешь, мне никто ничего не оставил? Может, какой-нибудь дядюшка в Америке? Или в Израиле?

– Я могу узнать. А что случилось? – Он снова окинул взглядом чистенькую палату с удобной кроватью и нежно-голубыми простынями. – Тебя кто-то заставил переселиться в эту палату? Или?..

Он развел руками, и плечи его при этом поднялись. Он просто буравил меня взглядом. Людей всегда интересует, откуда у других берутся деньги.

– Да, Сергей, прими мои соболезнования, – вдруг очнулся он, вспомнив о смерти моей матери.

– Спасибо.

– Я слышал, что тебе пришлось продать вашу квартиру. И где теперь будешь жить, что делать?

– Ждать наследства, – уклончиво ответил я, желая уже как можно скорее избавиться от присутствия не в меру любопытного Плужникова.

– Так наследство все-таки есть? – Он весь напрягся, принимая мою болтовню за чистую монету.

– Поживем – увидим, – я снова напустил туману. И уж, конечно, теперь я понимал, что ему ни за что не расскажу о визите странной девушки, пожелавшей зачем-то выйти за меня замуж. Хотя, когда Плужников ушел, я даже пожалел о том, что ничего ему не рассказал. Такое вот было двойственное чувство. С одной стороны, хотелось оставить свою личную жизнь в тени, с другой – я упустил возможность услышать мнение опытного человека, съевшего собаку на разного рода человеческих ценностях и слабостях. Быть может, он вообще знаком с ней!

Девушка была красива, умна и богата. Во всяком случае, производила именно такое впечатление. И совершенно не походила на студентку-волонтера, сознательно тратящую время и деньги на разбитого, как ваза, пианиста.

Однажды утром ко мне в палату вошла сестра, протянула новые джинсы, рубашку, свитер и белье с носками и сказала, что через час я должен быть готов, меня переводят в другую клинику, где мной займется пластический хирург.

Вот, наконец-то все стало ясно. Вероятно, я немного смахиваю на какого-то человека, и именно это сходство, а никак не мои музыкальные таланты, заинтересовало эту особу. Возможно, мне предназначена роль двойника, предстоит включиться в какую-то опасную игру, в результате которой моя благотельница получит миллионы евро. Вот тогда хотя бы все прояснится.

Когда я услышал о пластическом хирурге, который перекроит мое лицо, навалилась вдруг такая тоска, что в какой-то момент я подумал: будь что будет. Нервы мои и так были расшатаны, уже долгое время я не мог привести себя в порядок. Так, может, эта девушка послана мне, чтобы разом все закончилось? Чтобы процесс разложения моей личности довести до конца? Чтобы, сыграв свою – вернее чужую – роль, я умер?

Честно говоря, мне на самом деле после смерти матери было некуда идти и не на что жить. Я был потерян не только для общества, но и для себя прежде всего. И это при том, что меня продолжали навещать мои друзья, музыканты, бывшие поклонники и поклонницы. Вот только каждый раз во время такого визита я испытывал стыд перед человеком, который помнил меня здоровым, сильным, талантливым, вызывающим восхищение, а теперь видел перед собой такую неприглядную развалину. Я понимал, что все они приходили ко мне из вежливости, что прежнего отношения ко мне уже быть не может.

Я лежал на кровати в застиранной больничной пижаме, от меня пахло так же, как от соседей по палате, лекарствами и больницей, волосы мои были спутаны, раны на лице кровоточили. Ничего, кроме жалости, я ни у кого не вызывал.

Когда же меня перевели в палату люкс, посетителей стало намного меньше. Словно моих поклонников оповестили, что теперь, слава богу, появился человек, который возьмет всю заботу о болящем на себя. Хотя, наверное, я все это выдумал. Просто у моих друзей своя жизнь, и так уж сложилось, что особенно близких друзей я так и не приобрел. Так, коллеги, музыканты, соученики по консерватории.

...Я надел новую одежду, а потом за мной пришли и проводили до машины, но не больничной, а новенькой блестящей черной машины, за рулем которой сидела Валентина.

– Привет, ты как? – спросила она меня так, как если бы мы долгое время жили вместе, на пару часов расстались и вот теперь снова встретились, чтобы поехать куда-то вдвоем. Как брат и сестра. Как друзья. Как муж и жена. И говорила она со мной обычным будничным тоном.

– Да нормально, – ответил я ей так же обычно.

– Вот и хорошо.

– Одежда подошла. Как ты точно определила размер.

– У тебя такая же комплекция, как у моего мужа. Но одежда новая, ты не думай.

– Да я и не думаю.

Я был уверен, что меня повезут в какую-то клинику, но ошибся. Мы приехали в аэропорт. Вышли из машины, и Валентина, взяв меня за руку, повела за собой на летное поле. Неподалеку от выстроенных в ряд больших самолетов там стоял маленький, словно игрушечный, созданный для забав детей миллионеров, белый самолетик.

– Куда мы летим? – не выдержал я.

– В Дайдесхайм. Это в Германии.

Нас было двое, и я не мог не воспользоваться случаем, чтобы поговорить начистоту. Я остановился. Повернулся к ней. Валентина была в белом платье в красных маках. Красивая, свежая, какая-то неземная. Она стояла и щурилась на солнце. Лицо ее было спокойно. Не похожа она была на человека, задумавшего зло.

– Что ты придумала? Какая еще пластическая операция? Кого ты хочешь из меня вылепить? Что вообще происходит?

– Понимаешь, это вот так, за пару минут не объяснить. – Легкий ветерок поднял золотистую прядь, и она ладонью смахнула волосы, упавшие на густо накрашенные губы, испачкала пальцы красной помадой. – Все будет хорошо. Просто тебе подправят лицо. Чтобы не было шрамов.

– Может, ты хочешь, чтобы я стал похож на нужного или ненужного тебе человека?

– А ты, я вижу, не только на рояле играл, но и детективы почитывал, – рассмеялась она. – Нет, не переживай. Никаких таких игр не будет.

– Но я не слепой, я же вижу, какие огромные деньги ты тратишь на меня. Зачем я тебе?

– Хорошо. Я объясню, но только в двух словах. Я хочу начать новую жизнь. Хочу забыть все прошлое. Вот за это я готова заплатить любые деньги.

– Но при чем здесь я?

– Думаю, ты как раз тот человек, рядом с которым мне будет интересно, комфортно. С твоей помощью я хотела бы войти в тот круг людей, куда меня без тебя не пустят, понимаешь?

– Ты что, вышла из тюрьмы?

– Нет. Но я долгое время жила среди бандитов. Мой муж умер и оставил мне много денег.

И тут я вспомнил фразу, первое, что я услышал, когда она впервые пришла ко мне в палату. Как я мог забыть ее? «Мой муж был настоящим бандитом».

– Но почему я? Что за бред?

– В Москве я была на твоём концерте. Шопен, Брамс... Это было полгода назад. Скажу сразу: на концерт я попала случайно, я тогда ничего о тебе не знала. Но когда услышала, восхитилась твоей игрой и тобой. Я дождалась, когда ты выйдешь из филармонии, пробилась через группу поклонниц и взяла у тебя автограф. Ты был тогда так счастлив! А потом я вернулась в свой родной город, у меня были дела. И вот там, когда мне делали маникюр, я случайно подслушала клиенток салона, которые говорили о тебе, о твоей матери. Думаю, одна из женщин была ее знакомой. Так я узнала об автомобильной катастрофе, о том, что ты и мама в больнице. Что тебе пришлось продать квартиру. И тогда я подумала, что это судьба, что ничего в этой жизни не случайно. Ведь я могла бы не услышать этот разговор, не узнать, что с тобой случилось. Однако я села за маникюрный столик как раз в тот момент, когда эти две женщины принялись обсуждать проблемы вашей семьи. Вот, собственно, и весь рассказ. Так что никаких криминальных пластических операций я для тебя не планировала. Просто хотела помочь вернуть тебе твою, поверь, твою внешность.

Ветер, подхватив волосы Валентины, хлестал ими по ее лицу, она говорила, прикрываясь ладонью от солнца.

– Но зачем тебе брак?

– Только находясь в браке с тобой, я смогу тебе полноценно помогать. И достигну своей цели.

– Так что за цель-то? О каком обществе ты говоришь?

– О твоих друзьях-музыкантах, о тех людях, среди которых ты вращался, пока был здоров. Я бы хотела, чтобы ты в скором времени представил им меня в качестве своей жены.

Все это все равно смахивало на какую-то аферу. Но продолжать разговаривать здесь, на летном поле, было глупо. Возможно, я чего-то не понимаю. Но рано или поздно все станет ясно. Пусть будет уже Германия, пусть лечение, пусть она делает все, что считает нужным. Вряд ли она желает мне зла. И если я действительно поправлюсь и смогу вернуться к своим репетициям или – во что мне верилось с трудом – к своим концертам, я верну себе финансовую независимость. Сниму квартиру наконец. Позже, когда определюсь со своими возможностями, возьму кредит, куплю жилье. Словом, начну все с начала.

Однако было в нашем разговоре с этой Валентиной что-то такое, от чего веяло холодком. Для меня, романтика в душе, отсутствие любви в нашем брачном «контракте» выглядело

грязным мошенничеством. Она не любила меня. И я не любил ее. Но она хотела именно брака. Даже стать ее любовником в этой ситуации было бы для меня менее унижительным.

Я думал, что она просто посадит меня в самолет, и я полечу один. Но я ошибался. Она поднялась вместе со мной, мы заняли места, к нам подошел человек, Валентина сказала ему, что все в порядке и можно лететь, и мы полетели.

Вдвоем, не считая пилота! На маленьком частном самолете. Вот где было идеальное место для душевной беседы. Можно было задавать вопросы не спеша и обстоятельно их продумывать. Но я вместо этого, вдыхая аромат ее ландышевых духов, к стыду своему, уснул. А проснулся уже в Германии.

Как я уже говорил, с тех самых пор, как впервые прозвучала тема пластической хирургии, я не переставал ощущать себя героем романа в духе Буало-Нарсежака.

В Центре пластической хирургии города Дайдесхайм за меня взялись основательно. Мне не только привели в порядок кожу лица, но и подлечили все травмированное тело. Я и не представлял себе, насколько далеко продвинулась медицина. Мною занимались специалисты хирургии катастроф, меня буквально поднимали на ноги, за мной ухаживали как за ребенком, с нежностью и заботой. Валентина появлялась всегда неожиданно, и когда она входила в палату или больничный садик, где я любил проводить время за книгой или в обнимку с ноутбуком, я первые несколько минут чувствовал себя мальчишкой, которого мама приехала навестить в детском лагере. И несмотря на то что в клинике меня отлично кормили и я сам мог заказывать себе блюда по своему предпочтению, я всегда радовался сладостям и фруктам, которыми меня угощала Валентина. А еще она всегда привозила книги и журналы, которыми я зачитывался в свободное время. Уж не знаю почему, но бумажные, крепко пахнущие типографской краской издания привлекали меня больше интернетовских страниц. Они были настоящими, их можно было потрогать, ощутить их приятную тяжесть в руках, почувствовать себя по-настоящему их обладателем.

Когда стало понятно, что мне сохранили внешность, я оставил попытки узнать что-то большее о нашем предстоящем браке, к которому был, в сущности, уже готов. Она все твердила о каком-то обществе, в котором я якобы вращался и куда она хотела бы попасть в качестве моей жены. Что ж, у богатых свои причуды. К тому же мне, к моему стыду, хотелось уже просто долечиться, пройти до конца реабилитационный курс, восстановиться полностью, а потому я решил не задавать лишних вопросов. Конечно, я понимал, что рано или поздно мне придется каким-то образом расплачиваться с этой девушкой за все, что она сделала для меня. Но что можно было взять с меня, нищего пианиста?

И еще меня беспокоила одна мысль, касающаяся этого самого общества, в котором я вращался. Куда понятнее было бы, если бы я жил в Москве и вращался бы среди музыкантов высочайшего уровня. Но она прекрасно знала, что я проживаю в провинциальном городе С., который славится своими музыкантами, но никакого общества мои коллеги не создают.

Интуиция подсказывала мне, что я интересую Валентину все же не как пианиста. В моей среде есть куда более талантливые музыканты, в которых, если уж так хочется, можно инвестировать капитал. А она вложила в меня и так уж очень большие деньги.

Времени для размышлений у меня было много, а потому, все хорошенько обдумав, я пришел к выводу, что цель, связанная с браком, – полная чушь. Скорее всего, за всей этой благотворительностью стоит что-то совсем другое, неожиданное, о чем я даже и не догадываюсь. Но поскольку мне и терять было как будто нечего, я был готов на любые условия – лишь бы выжить, лишь бы вернуться к нормальной жизни.

Понятное дело, что у меня было самое смутное представление о том, где и как мы будем с ней жить. Скорее всего, думал я, мы будем жить раздельно, встречаясь время от времени,

чтобы появляться где-нибудь вместе. Вот только зачем ей все это нужно – над этим мне еще долго предстояло ломать голову. Да я был уже просто помешан на этом.

Из Германии мы вернулись в Россию, но не в С., где она меня нашла, где мы с ней познакомились, а в Москву.

В Шереметьево нас встретил человек весьма свирепого вида, с длинными волосами и с грустными глазами бассет-хаунда. С этим Еремой Валентина обменивалась лишь многозначительными взглядами, как это делают люди, понимающие друг друга без слов. Он уложил наш багаж во внушительного размера внедорожник, и мы поехали, как мне показалось сначала, в сторону Москвы. Потом запетляли по проселочным дорогам, пока не приехали в тихое место, в сосновый бор, где за каменным аккуратным забором стоял небольшой двухэтажный дом.

– Вот здесь мы поживем немного, пока ты окончательно не придешь в себя, – сказала Валентина, выходя из машины. – Господи, воздух-то какой!

Был июль, жара, но в лесу она не чувствовалась. Было просто лето, чудесное, свежее, напоенное крепким хвойным ароматом. Я уже ничему не удивлялся. Решил просто подчиняться.

Валентина была холодновата со мной, как человек, четко обозначивший границу общения. В доме не было прислуги, всю грубую работу выполнял Ерема. Если бы я не слышал, как он матерится, когда звонит в интернет-магазин и заказывает продукты, я бы подумал, что он вообще немой. Еду готовила Валентина. Она ходила по дому в джинсах и батистовых рубашках, на ногах ее были мягкие коричневые мокасины, приглушающие звук шагов. В свободное время она дремала в гамаке рядом с домом в тени гигантских елей или сидела там же в плетеном кресле с ноутбуком. Ерема вообще не отдыхал и всегда находил себе работу по дому. Без конца что-то мыл, прибирал, чистил, смахивал паутину, ремонтировал лестницу, ведущую на второй этаж, подметал дорожки вокруг дома, пропалывал клумбу с цветами, ездил в Москву по делам, а вечером разводил огонь в камине.

Отношения между Валентиной и Еремой были своеобразными. Возможно, они были братом и сестрой или просто друзьями, но уж никак не любовниками, это точно. Они заботились друг о друге, но блеска в глазах, трепета – ничего такого я не видел. Валентина спала в спальне наверху, через стенку от меня, Ерема же занимал небольшую комнату на первом этаже рядом с кухней. Она служила ему не только спальней, как я потом выяснил, но и наблюдательным пунктом – из его окна отлично просматривались ворота, а рядом, в стенной нише, он хранил целый арсенал оружия.

Вполне вероятно, что эта парочка от кого-то скрывалась. Может, не только муж Валентины, но и Ерема, и сама Валентина были бандитами. Но когда я думал об этом, на лице моем невольно расплывалась улыбка – в это просто невозможно было поверить. Где бандиты, а где искалеченный пианист!

Когда Валентины и Еремы не было в доме, я тщательнейшим образом обследовал его. Не старый, с толстыми каменными стенами, окнами разной конфигурации, автономный водопровод (труба шла из земли, где, вероятно, находилась скважина), канализация, электричество протянуто от ближайшего столба. Восемь комнат: три спальни наверху, гостиная, столовая, библиотека, холл и комната Еремы внизу. Плюс кухня, две ванные комнаты, кладовка и застекленная терраса, которую прежние хозяева (я был уверен, что дом Валентина купила не так давно) использовали как зимний сад. На террасе стояли кадки и вазы с высохшей землей и мертвыми растениями, которые Ерема, облачившись в синий рабочий комбинезон, выносил на улицу, освобождая от земли и мусора. Затем он эти кадки, горшки и керамические цветные вазы отмачивал от грязи в протекавшем рядом с домом ручье, отмывал, заполнял свежей землей и готовил к посадке новых растений. Прямо об этом никто не говорил, однако я не раз видел, как Валентина листает на своем ноутбуке страницы каталогов цветочных интер-

нет-магазинов. Вывод из всего этого мог быть только один – в Москве мы надолго, если не насовсем, иначе кто будет следить за цветами и домом? Однако наша свадьба – это я знал из скупых, словно случайно оброненных Валентиной фраз – должна была состояться именно в провинциальном С.!

Прошла неделя. За это время я немного разобрался, что к чему. Ко мне относились так, как если бы этой паре хорошо заплатили за уход за тяжелобольным. Вот так. Никаких лишних разговоров, исключительно дежурные улыбки – не от Еремы, конечно, забота, вежливость, сдержанность, никаких разговоров, таинственность.

Но главное потрясение было впереди.

С самого утра Валентина была какой-то возбужденной, готовила завтрак, напевая.

В кухне пахло блинами и кофе. Солнце заглянуло к нам, позолотив белые салфетки, фарфоровые чашки с золотой каймой и розовые свежие щечки моей спасительницы. Я, приняв душ, спустился, сел за стол, и Валентина принялась накладывать мне на тарелку горячие блины.

– Тебе с медом? Вот, бери, – она пододвинула вазочку с медом. – Там цветочная пыльца, это для укрепления организма. Ешь!

Она смущенно мне улыбнулась.

На ней была белая батистовая мужская рубашка, поверх которой был повязан ярко-красный льняной фартук почти до пола. Волосы русыми колечками выбивались из-под красной банданы. На щеке продолговатый, как мазок, след от муки. Она была такой милой в то утро, что я с трудом удержался, чтобы не чмокнуть ее в щеку.

С женщинами у меня и до аварии отношения были сложными. Вернее, их почти не было. Все мои подружки-пианистки, с которыми я когда-то учился в консерватории, были замужем, причем выбрали они себе мужей не музыкантов, а бизнесменов или чиновников. Я бы не подошел им даже в качестве любовника, поскольку меня-то и в городе почти никогда не было, все гастроли. К тому же в мою личную жизнь всегда очень активно вмешивалась мама. Женщина властная, всю жизнь положившая на то, чтобы сделать из меня профессионального музыканта, она воспринимала меня как свою собственность. Понятное дело, что все, что она делала, было направлено на достижение единственной цели – защитить меня от всего и всех, что могло бы помешать моим репетициям, повлиять как-то на устоявшуюся, размеренную, полную вдохновенных занятий жизнь. «Никуда твои девушки не денутся», – говорила она мне, возмущенно покачивая головой и с шумом выдыхая воздух, как если бы ей силой пришлось выталкивать из нашей квартиры какую-нибудь особо назойливую девицу.

Мама. Она всегда была рядом с тех пор, как умер мой отец. Все сделала для того, чтобы воспитать из меня музыканта. В нашем доме всегда было чисто, уютно, тепло, много вкусной еды. Это мама купила мне чудесный «Petrof», на котором я разучивал свои программы. Это мама раздаривала моим преподавателям золото и украшения, которые ей в свое время дарил отец – он умер от воспаления легких, когда мне было всего три года. А еще старинные бабушкины сервизы и серебро. Даже участок под дачу подарила одному профессору консерватории, от которого зависело мое поступление. Ничего не жалела для меня, для моего будущего.

Мама, никогда и нигде не работала, сдавала в аренду под офисы часть старого особняка в центре С., оставшегося ей в наследство от отцовских родителей. Это были немалые суммы, но деньги она тратила очень аккуратно. Старалась с их помощью сделать мою жизнь максимально комфортной. Она с детства одевала меня в красивую добротную одежду, покупала все необходимое. Конечно, я никогда не играл в компьютерные игры. И всего, что имеет хоть какое-то отношение к спорту, у меня тоже не было. Все детские уличные забавы – футбол, баскетбол, волейбол, хоккей и прочее – были мне категорически запрещены. Зато мы с мамой ездили в городской бассейн и на море.

Большую часть денег она тратила на мое образование, репетиторов и поездки на конкурсы.

Время шло, жизнь менялась, все дорожало. Денег стало не хватать. Чтобы пойти работать – такого у нее даже в мыслях не было. Ее работа заключалась в заботе обо мне. И вот тогда мама стала продавать один офис за другим, один подвал особняка за другим, пока последние комнаты не были проданы одному похоронному агентству. Мы остались в нашей квартире в центре города совершенно без средств к существованию. Я оканчивал аспирантуру, готовился к довольно скромному конкурсу пианистов, чтобы потом принять участие в более серьезном, в Шопеновском. Именно в тот момент позвонил один мой однокурсник, Сашка Чекмарев, который никогда не гнушался выступать в барах и ресторанах, вообще где придется, лишь бы деньги платили. Человек без амбиций, хотя и очень талантливый, он сломал руку и попросил заменить его на вечере в ресторане «Вена». Сказал, что репертуар простой и я легко справлюсь, если буду просто играть на слух. Зато за вечер мне заплатят двести долларов!

– Соглашайся, – мама, слышавшая наш разговор, чуть не плача, кивнула. – А что делать, сынок?

Так я попал в ресторан, потом по рекомендации все того же Сашки стал выступать в одном ночном баре, зарабатывал живые, легкие деньги, наигрывал джаз. Кто знает, как бы сложилась наша дальнейшая жизнь, если бы меня не пригласили выступить перед одним немецким пианистом, большим другом моего преподавателя, который посоветовал учить программу для конкурса пианистов в Дрездене. Не в Варшаве, куда я готовился, а именно в Дрездене. После этой дрезденской победы с легкой руки предприимчивого агента Отто Круля и началась моя карьера пианиста, мои гастроли.

Где сейчас Круль?..

Я вспомнил его появление в клинике, куда меня положили после катастрофы, его перекосившееся от ужаса и отвращения лицо, когда он увидел мои раны. Тогда я твердо понял, что такое человеческая подлость – он даже не поговорил со мной, выбежал из палаты, словно у меня проказа. С тех пор я его не видел. Между тем он задолжал мне немалую сумму, которая ох как пригодилась бы мне во время лечения. Нет, конечно, маме бы она не помогла, этого все равно было слишком мало.

– Можно я тебя спрошу? – вдруг услышал я, и Круль вместе с цветными видами летнего Дрездена и размазанными по голубому небу глиссандо черно-белых клавиш растаял в солнечном свете.

...Я сидел с еще теплым блином на тарелке, передо мной стояла вазочка с медом. Валентина села напротив меня, подперла кулачками щеки.

– А куда ты так мчался на своей машине? Когда все это случилось?

Конечно, она имела право знать. Глупо, очень глупо, но поездка была такой незначительной, что одно воспоминание о ней наводило на мысль о том, как все же нелепы смерть и жизнь, как все вокруг несправедливо устроено.

– Представляешь, я вез маму к ее подруге, которая испекла ее любимый пирог со сливами.

– Да ладно! – воскликнула она, и тонкие брови ее взлетели. – Как глупо, правда? Если бы не этот пирог, твоя мама была бы жива. И с тобой ничего бы не случилось. Да уж.

И все-таки я чувствовал в воздухе какую-то особую, чуть ли не праздничную напряженность. Она была во взглядах Валентины, которые она украдкой бросала на меня всю первую половину дня, проходя мимо то с книжкой, то с ноутбуком. В особой, немного звериной, хотя и нежной ухмылке Еремы.

– Ерема, ты вскопал ту маленькую клумбу, о которой я тебе говорила вчера вечером?

– Да, Соль.

Мне послышалось или этот верзил с длинными волосами, которые он то и дело поправлял огромными ручищами, называл свою госпожу – иначе и не скажешь – солью?

Быть может, у нее было прозвище такое – Соль. Мне, музыканту, хотелось верить, что соль – это не соль соленая, а нота, чудесная нота «соль». Наверное, за этим ее прозвищем стоит какой-то случай, связанный с музыкой. Фантазировать на эту тему можно было бесконечно.

Я бы мог, конечно, вообще не обращать внимания на то, как Ерема обращается к Валентине, если бы не чувствовал, что каждый раз, когда он называет ее так, он потом тяжело вздыхает, а когда думает, что я его не вижу, морщится и машет руками, как человек, досадающий на самого себя за то, что снова проговорился, выдал какую-то тайну.

Устав от отдыха, я вышел на крыльцо и увидел Валентину в кресле за круглым столиком. Перед ней были рассыпаны разноцветные пакетики. Я нерешительно подошел к ней, ловя себя не неприятной мысли о своей крепкой зависимости от этой женщины. Я на самом деле еще не знал тогда, как мне себя с ней вести, о чем говорить, в какой тональности строить отношения. Быть ли самим собой или воздержаться от эмоций и свободных тем. Все равно все это пока невозможно – я еще слишком подавлен всем пережитым.

Бросив взгляд на приоткрытые ворота, за которыми простирался густой лес, я вдруг предположил, что я сбежал из этого рая с теплым домом, чистыми простынями и вкусной едой. Куда бы я убежал? Без денег... Нет, деньги-то я мог бы позаимствовать у Валентины, я подсмотрел, куда она, возвращаясь из Москвы, ставит сумочку с кошельком. Сумочка лежит прямо в холле – бери не хочу. Но мой побег так и остался навсегда лишь в моих болезненных мечтаниях. Думаю, я просто был тогда еще очень слаб.

– Душистый горошек, – говорит она, шурясь от солнца, дробящиеся лучи которого мозаикой лежат на каменных плитках. – Хочу посадить много душистого горошка, чтобы потом из него составлять букеты. Они получаются особенно нежными.

Горошек. Занятно. Значит, она все-таки собирается остаться здесь, в Подмоскowie. Совершенно сбитый с толку, я роняю:

– Мне бы заняться чем-нибудь.

– Сейчас. – Улыбка освещает ее ставшее счастливым лицо, глаза сияют. – Подожди немного.

Она разгребает пакетики с семенами душистого горошка (на них написано «латирус»), берет в руки телефон, смотрит на дисплей. Чуть склонив голову, бросает на меня испытующий, загадочный взгляд. Что она задумала?

– Скажи – когда ты продавал квартиру, что стало с вашими вещами?

– Продажей занималась наша соседка. Евгения Вас...

– ...Васильевна Каражова, так?

– Да. И?..

– Я встречалась с ней, пока ты был в больнице. Знаешь, она хорошая женщина. Сделала все правильно. Сохранила большую часть ваших личных вещей.

Я заволновался. Честно говоря, после смерти мамы потеря квартиры и уж тем более вещей казалась мне не столь значительной. Важно, что хотя бы я оставался живой. Когда смерть обошла тебя стороной, благодаришь Бога исключительно за жизнь.

– Мебель она должна была оставить в квартире, – протянул я, не понимая, куда она клонит. – А вещи забрать к себе на хранение до моего возвращения.

– Да-да, она так и сделала. Все ваши вещи, кое-какие драгоценности, посуду, книги, словом, все то, что вам дорого, она сложила в своей кладовой. Сделала все очень аккуратно, с любовью.

Валентина полистала страницы телефонной книжки, затем коснулась пальцем экрана и замерла, словно прислушиваясь. И вдруг тишину леса нежными звуками прошли первые такты Двадцать первого концерта Моцарта для фортепиано с оркестром. Сердце мое заколотилось и поднялось к горлу, выдавливая рыдания. Это был финал из моей последней концертной программы. Звуки рояля воспарили к верхушкам елей... И я – вместе с ними.

Пододошедший с ведром драгоценной лесной земли Ерема вернул меня в реальность. Заграбастав ручищей ворох пакетиков, он отошел на несколько шагов в сторону, где у него уже была разбита небольшая клумба.

– Пойду посею, – буркнул он недовольно, косясь на меня.

Валентина положила свою руку на мою:

– Пойдем, я покажу тебе кое-что. Вижу, что маешься, места себе не можешь найти. Просто хотела тебе сюрприз сделать, но что-то он задерживается.

Она махнула мне рукой, мол, пойдем за мной. Если бы она спустилась в подвал, подумал я, то я последовал бы, как крыса за дудочкой, – такую власть она уже имела надо мной.

Я был потрясен, когда в доме она действительно обошла лестницу, ведущую на второй этаж, и толкнула тяжелую металлическую дверь в подвал.

– Сюрприз? – Я чувствовал, как мой лоб покрывается испариной. Что сейчас будет? Что сделает со мной эта женщина? Сейчас заставит меня продать ей душу, расписаться кровью...

Но в подвале, где я был впервые, оказалось сухо и чисто. На желтом плиточном полу я увидел несколько больших картонных коробок. Валя подошла к первой, открыла ее, и я узнал свои ноты. Трясущимися руками я открывал одну коробку за другой – везде оказывались сложенные клавиры, партитуры, ноты, которые моя мать покупала на протяжении всей моей жизни.

– Вот здесь я подобрала все лично, – с гордостью заявила она. – Смотри, это ноты твоей последней программы: Моцарт, Равель, Концерт для фортепиано с оркестром соль мажор, Шостакович, Концерт номер один для фортепиано с оркестром до минор и Концерт номер два для фортепиано с оркестром фа мажор.

Как же дико и волшебным звучали эти слова из ее уст. Эта дьяволица знала свое дело, она искушала меня моими же нотами, той сладостью, тем зудом, который вот уже долгое время будоражил меня, заставлял страдать от невозможности прикоснуться к клавишам. Я даже себе боялся признаться в том, что готов уже нарисовать клавиши!

– Сюрприз удался?

– Валентина! Что вы!

– Ты! Мы же на «ты»!

– Что ты такое задумала?

– Сегодня вечером привезут рояль. Вот! – наконец выпалила она на счастливом выдохе. – Я в них не очень-то разбираюсь, но по Интернету кое-что узнала...

– Что, что ты сказала? Рояль?

Я не понял, что со мной случилось в эту минуту, но я вдруг почувствовал, что хочу ее ударить, вот просто ударить, так, чтобы спровоцировать ее на ответный удар, чтобы я понял наконец, что все это мне не снится.

– На концертный новый я не стала тратить, все-таки он стоит пять лимонов с лишним. Слава богу, с головой у меня пока все в порядке. А отреставрированный Блютнер, небольшой, кабинетный, мне уступили по сходной цене. Настройкой уж будешь заниматься сам – позволишь, найдешь кого нужно. Ты доволен? Ведь это то, чего тебе так не хватало! – И не дав мне возможности выразить восторг, она продолжила: – А то я вижу, ты совсем извелся. Что, соскучился по клавишам?

Она рассмеялась, довольная своим сюрпризом, и смех ее гулко разнесся по всему подвалу.

...Сейчас, когда ее нет, когда кто-то посмел зарезать ее, как кошулю или лань ножом в сердце, мне кажется, что ничего этого не было. Ни пылающего камина в подмосковном доме, ни звуков рояля, льющихся из распахнутых окон библиотеки, ни нежных цветов душистого горошка, которые Соль вырастила своими руками и потом срезала целыми охапками, расставляя букеты по всему дому.

* * *

Звонок телефона заставил меня вздрогнуть.

Я сидел в кресле. Комната погрузилась в фиолетовые сумерки.

Должно быть, это Лиза Травина. Я схватил телефон. С дисплея улыбалась моя покойница-жена.

– Ты не сердишься на меня? – услышал я ее голос и почувствовал, как волосы зашевелились на голове.

4. Соль

Иногда мои воспоминания теряют стройность, и память настойчиво возвращает меня туда, где мне совсем не место.

Как передать свои ощущения, когда ты стоишь в прохладной комнате морга и смотришь на собственное мертвое тело? Мои глаза, моя любимая родинка, моя грудь, мои бедра, даже форма моих пальцев ног – все мое и все подернуто смертельной бледностью. И так страшно.

– Вы утверждаете, что это ваша жена? – слышу я голос словно из преисподней. И мой муж Сережа отвечает вяло, словно неведомая внезапная болезнь сковала его.

– Да. Это она.

Под моей левой грудью зияет страшная, отвратительная рана. Разрез, который оставил нож. Такие ножи продают повсюду. Кто-то купил этот нож специально для того, чтобы всадить его в меня.

– Ты думаешь, это они? – спрашиваю я чуть позже, на свежем воздухе. Февральский воздух обманчиво пахнет весной, но зима еще не сдалась, и в университетском парке на ветвях густых кустов боярышника, обрамляющих мертвые цветники, еще лежит снег. Старинные корпуса университета светятся ровными рядами окон с леденцово-оранжевыми стеклами. Если бы не моя мать, если бы не ее изломанная судьба, она не бросила бы меня, а растила как нормальную здоровую девочку. И я бы окончила сначала школу, потом поступила бы, быть может, в университет, на филологический или исторический факультет. А может, отправилась бы в Москву и изучала искусство гомеровской Греции там и вовремя, а не сейчас, уже взрослой и пожившей женщиной.

– Ты видел? – спрашиваю я Ерему, поднимая капюшон шубы и кутаясь в нежный мех. – Нет, ты видел ее?

– Видел, – глухо отвечает мне он. После чего, расслабившись, забывшись, выдает длинное и смачное ругательство. Так он выражает недоумение, досаду и злость. Он смотрит на меня и хочет попросить прощения, но я ловлю его руку своей, обтянутой перчаткой, сжимаю ее. Ничего, я уже простила.

Вся эта сцена длится пару минут, не больше, после чего на крыльце появляется Сережа. Он бледен. Я подхожу к нему, подхватываю его под руку, и мы идем по дорожке к воротам, за которыми мы оставили машину. Все трое молчим. Да и чего сказать?

То лето было чудесным, Сережа быстро поправлялся. Думаю, главным в его восстановлении была возможность вернуться к музыке. Рояль стал для моего пианиста магнитом, настолько мощным, что он иногда забывал поесть и снова и снова играл.

Первое время в доме звучали гаммы и этюды, упражнения на растяжку пальцев. Казалось, Сережа боится играть программные произведения, не уверенный в том, что его пальцы их помнят. Но все это были лишь мои предположения. Что происходило в его душе, мне было неизвестно. В остальном, что не касалось музыки, думаю, я понимала, что волнует Сережу.

Он никогда до конца не расслабится и не станет мне доверять, если не поймет, зачем он мне нужен. Тот короткий допрос, который он устроил мне за несколько минут до того, как мой самолет поднялся в воздух, конечно, ничего ему не объяснил, лишь запутал окончательно.

Вероятно, он подумал тогда, что я не в себе или же мне от него нужно что-то такое, что связано с его внешностью, с его схожестью с кем-то, кого он должен будет заменить в каких-то моих темных делишках. Да я и сама бы сходила с ума от неведения, окажись в подобной ситуации. Думаю, что скорее сбежала бы, чем стала дожидаться, как дальше станут развиваться события. Но это я тогда так думала и чувствовала. Ведь я была здорова, а потому плохо представляла, в каком состоянии здоровье моего подопечного. А ведь он был тогда еще болен,

очень болен – и физически, и психологически. Он был тогда уверен, что потерял все: здоровье, близкого человека, дом, возможность заниматься музыкой. Вероятно даже, что он был одной ногой в могиле. Эта мысль пришла сразу же, как только я первый раз увидела его на больничной койке. Если он продал квартиру, даже не пытаясь хотя бы часть денег оставить на покупку комнаты, вполне допускаю, что он вообще не думал о жизни в будущем, как если бы и не собирался жить.

Слабый человек, скажете? Да, возможно. Но такая уж у него чувствительная натура. Будь он другим, не смог бы так вдохновенно играть, так чувствовать музыку.

Ведь я видела его совершенно другим! Там, в Москве, в консерватории, куда осенний ветер с дождем – или судьба? – загнали меня на концерт молодого пианиста Сергея Смирнова. Того самого Смирнова с московских афиш, молодого красавца, блондина с одухотворенным лицом и тонким профилем... Программа его выступления тогда мне ни о чем не говорила. Конечно, я слышала такие имена: Лист, Шуберт, Бетховен, но для меня они были, как это ни кощунственно, пустым звуком! Когда они обретут иное звучание, я не знала. Просто глядя на одну из его афиш во время моих долгих странствий по незнакомой Москве, где я училась жить без мужа, я придумала себе жизнь этого красивого музыканта. Мне он тогда казался небожителем, человеком с необыкновенными талантами, терпеливым, упорным, работоспособным – обладающим всеми качествами, которыми не обладала я.

Я понимала, что он живет в другом мире, куда мне вход запрещен. Существует особая каста людей, называемых музыкантами, они сделаны из иного материала, не из того, что я. Чтобы заработать на жизнь, они не продают наркотики или оружие, как это делал мой муж, а извлекают звуки, завораживающие, магнетические, заставляющие людей горько плакать или смеяться, танцевать или размышлять о жизни. Что такое вообще музыка? И почему она бывает такой разной? Человек с таким лицом, как у Сергея Смирнова, не может прикасаться к музыке, от которой я закрывала уши в окружении бандитов. Он играет музыку, которая затрагивает заложенные в каждом человеке тончайшие струны, заставляя его быть лучше, чище, благороднее, выше.

И мне захотелось подняться. Если не на его уровень, то хотя бы чуть приподняться над своей жизнью. Понять, чем живут такие люди, о чем они думают, говорят, что едят, где бывают. Какие фильмы смотрят, где черпают силы, из какого материала сделаны они сами и их души? Да, мне хотелось очиститься от всего, что я хлебала за годы жизни с Н., вытравить из собственной кожи даже запах этой жизни, не говоря уже о звуках и картинах. Эти сытые, довольные рожи, эти белоснежные импланты, впивающиеся в сочную мясную мякоть, этот пьяный блеск в глазах. Этот грязный мат, эти стопки грязных денег, заработанных на продаже «дури», на смертях молодых парней и девочек. Это желание продемонстрировать друг другу свое богатство, власть, даже грубость!

Откуда-то я знала, что я другая, что я должна доказать себе это сама. Должна найти своих родителей, которые были частью богемы в моем родном городе. Время от времени в моей памяти, будоража воображение, оживали картинки из детства, и я видела этих людей, особенных, красиво одетых, которые прогуливались по ярко-зеленой поляне с бокалами шампанского, шутили, смеялись, а из распахнутых окон лились звуки фортепиано.

Вот почему я решила, что мои родители были именно музыкантами. Скорее всего, пианистами. Или кто-то один из моих родителей. И кто эта женщина, которую я так хорошо помню, та, что играла на рояле и кормила меня сырниками с изюмом? Пусть воспоминаний не так и много, но все они отражение детской души.

Конечно, мне часто снился интернат. Какие-то страшные лица, холодные гулкие коридоры, по которым я бегу, босая, спасаясь от кого-то...

О днях, проведенных в этом аду, не хочу даже вспоминать. Один запах там чего стоил. Нет, там не плохо пахло, там все тщательно мылось и чистилось. Дело в особом неистребимом

запахе сотен детских тел, теплых постелей, готовящейся пищи, подгорелого молока. Яблочный запах детской мочи и хлорки, горячих булочек с ванилью... Это запах нашей жизни без родителей – вот что это такое. Это запах слез и страданий, одиночества и страхов, когда ты понимаешь, что никому до тебя нет дела.

Хотя мне, конечно, сильно повезло. Женщина, которая первые мои годы в казенных стенах согревала меня теплом, существовала. И обнаружил это мой верный друг – Ерема.

После похорон Н. я отправилась в Москву – учиться жить.

– Представь, Соль, что тебя бросили в реку, чтобы ты научилась плавать, – как ребенку объяснял мне Ерема. Он привез меня в аэропорт. Я летела в Москву налегке, с одной дорожной сумкой. В записную книжку был вложен листок со списком моих новых счетов. – Да, жестоко. Зато потом станет легче. Москва огромная, там ты затеряешься, там никому не будет до тебя дела. Снимешь квартиру, поживешь, осмотришься.

Конечно, мне было бы спокойнее, если бы рядом был он.

– Мне туда нельзя. Пусть все думают, что мы расстались. Что нас ничего не связывает. Говорю же, мне надо быть здесь, смотреть за домом. Иначе от него камня на камне не оставят.

Но я понимала, что не в доме дело. Вероятно, после смерти Н. оставались незавершенные дела, и Ерема хотел все подчистить, во всем разобраться, чтобы никому и в голову не пришло предъявлять счет вдове. Это потом я узнаю, что произошло на самом деле – сразу после того, как Ерема отправил меня в столицу, снабдив паспортом на имя Лазаревой Татьяны Андреевны. Узнаю случайно, вернувшись через год в Лисий Нос и заметив на дорожке, ведущей к дому, сверкающую на солнце гильзу.

Я не была уверена, что Ерема дома – мы целый год не виделись. По тропинке, ведущей к дому, я шла осторожно, стараясь не шуметь. А вдруг в доме живут посторонние? Все те, кто охотился за деньгами Н. после его смерти?

Был июль, солнце припекало, от земли, пропитанной вчерашним дождем, шел пар. Дом выглядел посвежевшим, но каким-то маленьким, словно игрушечным. Быть может, таким я воспринимала его после Москвы?

Ерема, как и обещал, посадил розы, кусты, да и лужайка перед домом была пострижена и имела свежий, ухоженный вид.

Телефон, который он мне подарил, я потеряла. Примерно через неделю после переезда в Москву. Это была настоящая потеря. И хоть Ерема не был мне отцом или братом, все равно я считала его очень близким человеком, и этот телефон был гарантией моей безопасности. Да, меня, может, и бросили в речку, чтобы научилась плавать, но я знала, что где-то рядом лодка с Еремой. А теперь я очень-очень боялась утонуть.

Я остановилась в нескольких шагах от крыльца, посмотрела на березу, росшую справа от дома за кустами орешника, и решила все же не рисковать. Кормушка, контейнер, записка. Дрожащей от волнения рукой я развернула ее, боясь прочесть что-то нехорошее, что сделает мое возвращение опасным для жизни. «Привет. Я поехал в Питер, за покупками. Вернусь не позднее 12.30». И дата. Сегодняшнее число и год!

Я посмотрела на свои руки – кожа отреагировала счастливыми мурашками. Я достала телефон, чтобы посмотреть, который час. 11.40.

Выходит, Ерема должен появиться совсем скоро.

Я снова вернулась к крыльцу. Жаль, что мы с ним не договорились о тайном месте для запасного ключа. Не было у нас в свое время такого места и с Н. Должно быть, в доме хранилось так много всего, что стоило огромных денег, что никому и в голову не пришло таким вот легкомысленным образом прятать ключи.

Вот тогда-то, сидя на крыльце, я и заметила сверкающую на солнце гильзу. Конечно, я не знала, что это гильза, просто увидела какой-то металлический предмет. Да и блеск-то был

не ярким. Я сунула руку в припорошенный пылью ежик травы и извлекла гильзу. Я ничего не понимаю в оружии, тем более в гильзах. Определить вид и величину ствола я тоже не могу. Вот Н., он бы смог, он стал профессионалом в этом деле.

Дождаясь Ерему, я нашла еще пять гильз. В разных местах. Совсем близко от дома. При мне здесь не стреляли, даже по банкам. Значит, это случилось, когда я уехала.

Я уже представила себе раненого, истекающего кровью Ерему, окруженного всеми, кто еще недавно ходил в его друзьях. Они высыпали из своих машин, окружили дом и принялись палить по окнам... Я словно слышала эти выстрелы, стрекотание автоматной очереди.

Я смотрела на ворота и представляла себе, как сейчас подъедет скромный автомобиль и из него выйдет постаревший лет на десять Ерема, седой, прихрамывающий, как Жоффрей де Пейрак.

А что, если его вообще убили и записку оставил не он, а человек, подделавший его почерк и узнавший тайну нашей с ним переписки?

Услышав звук подъезжающей машины, я бросилась бегом за дом, спряталась в кустах, прижала к себе сумки и пакеты с подарками и замерла. Довольно удобная позиция – меня никто не увидит в густых зарослях орешника, мне же видно и ворота, и часть дорожки, ведущей к дому.

Сердце мое колотилось. Казалось, его удары отдаются в целлофановом хрусте моего багажа и именно эти звуки выдают меня.

– Соль, не бойся, это я! – вдруг услышала я знакомый голос и почувствовала, как теплые слезы заструились по моим щекам. Это был голос Еремы.

Ворота распахнулись, и я увидела его, живого и здорового, в синем джинсовом костюме и оранжевых ботинках. Пол-лица закрывали темные очки. Руки его были заняты одинаковыми пакетами из супермаркета.

Я вышла из своего укрытия и бросилась к нему. Он опустил пакеты на дорожку, приподнял на лоб очки и заключил меня в свои крепкие объятия.

– Слава богу, – сказал он, целуя меня в макушку. – Как я рад, что снова вижу тебя.

– Я потеряла телефон.

– Знаю, я все о тебе знаю. Даже то, что ты должна была сегодня прилететь из Москвы. Мои люди присматривали за тобой.

Так значит, лодка с Еремой все-таки была, только я ее не замечала? В этом был весь Ерема.

– Пойдем в дом, я же обещал тебе, что сохраню его!

В доме произошли большие изменения. Перепланировка, серьезный ремонт, другая мебель, ковры, занавески. Это вообще был другой дом.

Я разжала ладонь и показала Ереме гильзы.

– Да, кое-что пришлось здесь подремонтировать, – улыбнулся он мне одними губами, при этом глаза его стали печальными. – Столько шакалов было... Оборотни. Некоторые так и остались здесь навсегда. Я закопал их в лесу неподалеку, иначе они бы закопали меня. Хотя, скорее всего, не закопали бы. Нет, просто оставили бы на съедение лисам. Все они появлялись ночью. Ты не представляешь себе, сколько я тогда пил кофе, чтобы только не уснуть. Отсыпался днем, чувствовал, что в это время сюда никто не сунется.

– А что они хотели?

– Думали, что здесь склад, что есть что взять. Но я честно раздал долги твоего мужа, я был в курсе всех его дел. Да и кое с кого стряхнул долги, а как иначе? Но все это в прошлом. Сюда больше никто никогда не сунется. Правда, пришлось после всех этих разборок приводить

в порядок дом. Ты бы видела, что стало со стенами, мебелью. Это просто счастье, что тебя здесь не было.

– Могу себе представить, что здесь происходило.

– Тебе незачем это представлять. Главное, все закончилось, и теперь ты спокойно можешь жить здесь. Сколько угодно. Да только ты ведь не для этого приехала?

– Нет, не для этого. Я приехала, чтобы повидать тебя и попросить поехать со мной. Одной мне не справиться.

– Что-нибудь случилось?

– Нет.

– Но мне и здесь хорошо.

– Я решила действовать. Хочу найти своих родителей.

– Понятно. Все никак не можешь успокоиться? Но зачем тебе это? Мы с тобой уже столько раз говорили об этом. Предположим, найдешь ты свою непутевую мать. Дальше-то что? Она пьяница или просто женщина, потерявшаяся в жизни. Или наоборот, с ней все в порядке, она замужем, у нее дети, твои братья и сестры. Ты что, собираешься их опекать? Кормить-поить? Эти люди для тебя чужие, и ты никогда не станешь им своей, сколько бы бабок ты в них ни вкладывала. Ты никак не хочешь понять, что общая кровь – еще не причина соединяться с людьми. Чужие подчас становятся гораздо ближе родных по крови. Поверь мне, тебе не стоит вмешиваться в чужие судьбы.

– Но я не собираюсь вмешиваться. Я просто хочу узнать, из какой я семьи, кто мои родители. Я, может, даже и не подойду к ним. Просто узнаю, имеют ли они отношение к музыке...

– Ты снова о той женщине? Ты не подумай, я не жестокий и не бессердечный...

Пока мы разговаривали, Ерема накрывал на стол. Он привез из города мою любимую рыбу, мои любимые пирожные. Да он на самом деле знал о моем приезде, он ждал меня! Выходит, каждый мой шаг был ему известен. И потому он был более-менее спокоен в отличие от меня. За целый год я не совершила ни одной ошибки. Жила под фамилией Лазарева, хотя все мои банковские счета были по-прежнему на имя Валентины Соленой. Как и банковская ячейка здесь, в Питере, где хранился основной капитал.

– Я понимаю, что тобой движет простое женское любопытство.

– Нет, Ерема, это не любопытство. Я думаю, что моими родителями были музыканты. И что моя мать – пианистка. Довольно известная в С., потому что я вспомнила некоторые детали из моего детства. Помнишь, тот дом, о котором я тебе рассказывала. Так вот, там были люди, музыканты, они, как и эта женщина, играли на рояле, прогуливались на лужайке вокруг дома с бокалами, думаю, в них было шампанское...

– Да ты была ребенком! Откуда тебе знать, что было в бокалах?

– Может, я и не знаю, что именно они пили, но думаю, что это было шампанское. И люди эти, повторяю, музыканты. Они что-то праздновали. Я хочу попасть в это общество, Ерема. Я оттуда родом, понимаешь?

– Да ты со своими бабками можешь попасть в любое общество.

– Нет, Ерема, ты ошибаешься. Деньги, конечно, помогут. Но я хотела бы войти в этот круг органично, естественно, понимаешь? Чтобы меня не воспринимали как вдову бандита, решившую купить себе место рядом с ними, а как человека, имеющего непосредственное отношение к искусству, к музыке. Но выучиться музыке я не могу, этому учат с детства. А вот научиться понимать искусство можно. И первый шаг я уже сделала.

– Теперь понятно, зачем тебе понадобилось покупать столько книг по искусству.

– Тебе и об этом тоже доложили?

– «Лекции по живописи Ренессанса», «Искусство гомеровской Греции». Как видишь, я даже запомнил названия некоторых книг. А не проще ли было выйти замуж за какого-нибудь профессора из местных, чтобы подобраться к твоей матери?

– Зачем же за профессора, когда можно за молодого и талантливое пианиста? – Я почувствовала, как краснею.

– Так ты в него не влюбилась? – Ерема широко улыбнулся и поставил передо мной бутылку вина и фужер. – Этот блондинистый пианист, Сергей Смирнов. Ты целыми днями слушаешь его концерты. Он для тебя просто средство забраться с ножками в с-кий бомонд?

– А твои люди отслеживают и мои предпочтения в Интернете? – Я покачала головой.

Вот интересно, как бы я себя вела, если бы знала, что за мной следят? И как же это хорошо, что я не пустилась во все тяжкие, не завела себе любовников. Вот было бы стыдно перед Еремой!

– Кто они? Питерские?

– Не они, а он, это всего один человек. Московский сыщик, из бывших следователей. Очень толковый. Он присматривал за тобой.

– После того как я потеряла телефон?

– Ты его не потеряла. Это он его у тебя забрал, когда ты пила кофе в какой-то кондитерской. Обстановка была такая, что не нужно было, чтобы ты звонила мне. Надо было отрезать канал.

– Понятно.

– Знаешь, у меня было время заняться твоим вопросом. Но не для того, чтобы ты разыскала свою мать и взяла на себя ответственность за нее. Я никогда не понимал баб, которые бросали своих детей. И уверен, что она тебе не нужна. Тут дело в другом. Важно, чтобы она, случайно узнав о тебе (счета-то на твое имя), не стала разыскивать тебя. Я просто хотел оградить тебя от этого, а потому всерьез занялся ее поисками.

Я отодвинула от себя тарелку с рыбой. Услышанное потрясло меня. Выходит, Ерема решил оградить меня от собственной матери!

– А ты не слишком ли много на себя берешь? – вскипела я. – Тотальная слежка, а теперь еще и это! И что? Скажи еще, что ты нашел мою мать!

– Я нашел человека, женщину, которая заменила тебе мать на первых порах. И это она дала тебе свою фамилию.

– Удочерила, что ли?

– Нет-нет, там все гораздо проще. Соленая Елена Николаевна. Это она нашла тебя на ступенях детского дома.

– И? Ерема, не тяни уже!

– Соленая была директором этого детского дома. Однажды утром она просто шла на работу и увидела тебя на крыльце. Ты была завернута в одеяльце. Она взяла тебя и записала на свою фамилию. Понимаешь, таким, как ты, подброшенным детям, могут дать любую фамилию, какая только взбредет в голову руководству.

– Значит, она не удочерила меня, а просто записала на свою фамилию?

– Да. Повторяю, может, ты не поняла. Соленая Елена Николаевна была директором детского дома, и таких, как ты, брошенных детей там было немало. Не могла же она всех усыновлять и удочерять. Но она, по свидетельству людей, с которыми я лично разговаривал, относилась к тебе с особой нежностью, была привязана к тебе. Да что там, она опекала тебя практически до своей смерти!

– Как это?

– Она умерла, когда тебе было восемь лет. Умерла скоропостижно, от сердечного приступа.

– А я? Я могла бы поговорить с теми людьми, с которыми разговаривал ты?

– Смысл?

– Но я сама хочу обо всем узнать! Ведь речь идет обо мне, о моем детстве!

– Да хоть сто порций. Только не понимаю, зачем тебе все это, если речь идет всего лишь о директоре детского дома, а не о твоей матери. Ладно бы, она была хотя бы дальней, но родственницей или знала бы твоих родителей. А так... Просто женщина, которая уделяла тебе чуть больше внимания, чем остальные воспитатели.

Я заплакала. Ерема смотрел на меня с непониманием.

– С кем ты говорил?

– С одной воспитательницей.

– Ты ездил в С. ради меня?

– А ты как думала?

– Что еще она рассказала обо мне? Об этой Соленой?

Я вдруг подумала, что поездка в С. была спровоцирована мной, причем давно, когда я мучила Ерему вопросом, откуда вдруг у меня такая странная фамилия.

– Это ее звали Соль? – вдруг догадалась я. – Директора детского дома?

– Да. У нее кликуха такая была. Но баба она была добрая, хорошая, дети ее любили. Не воровала и другим не давала. Характер, конечно, не сахар, вот поэтому ее и прозвали Солью. Понятное дело, что тут сыграла и фамилия. Думаю, что каким-то странным образом эта же кликуха прилепилась к тебе. Ты чего плачешь-то?

– Я думала, что Соль – это все же нота. – Я плакала уже в голос, давясь слезами. – Что моя мать была пианисткой и это у нее было такое прозвище. И что работники детского дома, зная об этом, дали мне такую фамилию. Ведь мы же с Н. с самого начала знали, что фамилия Соленая не имеет к моей семье никакого отношения. Странно, что он сам раньше не узнал об этой Соленой.

– В детском доме все поувольнялись, практически весь коллектив сменился. Мне просто повезло, что я нашел эту воспитательницу. Она рядом с этим детским домом на базарчике торгует овощами.

– А как она меня опекала, эта Елена Николаевна?

– Покупала тебе одежду, сладости, водила в кукольный театр. Как еще может опекать взрослая женщина маленькую девочку-сироту?

– А тот сад, рояль? Откуда все это? Может, это ее дом?

– Нет, я спрашивал. Елена Николаевна жила скромно, говорю же – не воровала. Откуда у нее дом и рояль? Она и на пианино-то не умела играть. Хотя она возила тебя к себе на дачу или в загородный дом, я не понял. Но можно себе представить, какая дача может быть у директора детского дома. Какая-нибудь хибара, курятник с шестью сотками и картофельным полем.

Моя радость от возвращения в дом в Лисьем Носу и встречи с Еремой была омрачена этой историей с женщиной, при жизни носившей такое же странное прозвище, как и я, – Соль. И никакие пирожные, которые с любовью и заботой выбрал для меня Ерема, не подсластили этот день.

Мало того, я нашла гильзы и узнала, как тяжело пришлось Ереме, когда он отправил меня в Москву. Здесь, в доме, были развернуты настоящие военные действия со стрельбой и убитыми, а потом и похороненными в лесу. И никто не знает, сколько месяцев Ерема глушил вечером кофе, чтобы ночью бодрствовать в ожидании вооруженных гостей – варваров, упырей, алчного воронья. Плюс еще эта история Елены Николаевны Соленой, которую я, как мне казалось, хорошо помнила. Да, была женщина, высокая, черноволосая, очень строгая, которую я, скорее всего, и воспринимала исключительно как директора детского дома. Да, мы с ней куда-то ездили на электричке или на поезде, было какое-то поле, и была картошка, и были цветы на круглом столе рядом с кроватью, где я спала. Картофельное пюре, котлеты, но не сырники с изюмом.

Все эти воспоминания были несколько размыты и подпорчены другими, связанными с большой комнатой с одинаковыми кроватями – спальней детского дома. Помню, были драки,

какие-то девчонки даже кусали меня, обзывали, лупили, называли подхалимкой или что-то в этом роде. Помню горячие щи в большой столовой, каши, компот из сухофруктов, сливовую твердую карамель, походы в цирк, помню дождь за окном, помню шоколадные конфеты, которые находила в кармане своей куртки, запах нового клетчатого пальто... Все эти воспоминания были серыми, бледными и болезненными, словно память берегла меня от них, подсовывая мне сладкую и большую конфету счастья – воспоминания о другой женщине, другом доме, другой еде, другой солнечной картинке, которая нравилась мне куда больше и которая вселяла в меня надежду.

– Не плачь! – Ерема обнял меня и погладил по голове, словно я превратилась в ту маленькую девочку, подкидыша, никому не нужное существо, вызывающее жалость у директрисы детского дома. А ведь он был всего-то лет на пятнадцать старше меня. – Жизнь куда круче любой мелодрамы. Сейчас ты независимая богатая женщина, у тебя впереди вся жизнь. Будет у тебя счастье, поверь мне. Влюбишься, выйдешь замуж, пойдут дети. Тебе не надо заикливаться на своем прошлом, на этом детском доме, этой директрисе, какой-то женщине, которая кормила тебя сырниками и поила пианистов шампанским. Правда, приди уже в себя, оставь эту идею! Да и пианист этот тебе не нужен. Он живет в своем мире.

– Стоп! – закричала я, отстраняясь от Еремы. – В своем мире, говоришь? Да я только и твержу тебе об этом самом мире, а ты никак не можешь взять в толк, что я хочу туда не просто попасть, а вернуться! Я оттуда родом, понимаешь, я это чувствую! Я генетический музыкант, как ты этого не хочешь понять? Я Соль – не соленая, а нота «соль», понимаешь? Я хочу жить среди этих людей, я хочу быть замужем за таким вот прекрасным мужчиной, пианистом, хочу служить ему, наконец! Если я не умею играть на музыкальных инструментах и писать картины, если мне это не дано или просто время упущено, так я хочу хотя бы научиться разбираться в искусстве!

– Да понял я тебя, понял. – Ерема резко вскинул руки вверх, словно обжегся об меня. – Успокойся. Ешь давай уже. Чего так раскипятилась?

– У меня план.

– Валяй.

– Тот пианист, Смирнов.

– И?

– Я хочу выйти за него замуж. Но не знаю, как к нему подобраться.

– Влюбилась все-таки, что ли? – осторожно спросил он и даже пригнулся, словно боясь, что я за дерзкое предположение метну в него чашку или графин.

– Нет, не влюбилась, – ответила я. – Но любовь – дело наживное. Он такой, такой... Я просто хочу сказать, что в такого можно будет потом и влюбиться.

– Почему именно он?

– Да потому что он – из С., понимаешь? Местная знаменитость. Я читала о нем много, видела его фотографии. Ты же знаешь этих журналистов. Они повсюду, везде щелкают своими фотоаппаратами. Это в Москве у него не так много поклонников, а вот в С. – много, я видела его в окружении всех тех, кто составляет это общество.

– Валя, давай начистоту. Как ты представляешь себе поиски своей матери? Ну, вошла ты в это общество, выйдя замуж за своего пианиста. Раз попала на какое-то торжество, банкет, концерт, званый вечер, выставку, я не знаю... И что? Ты надеешься увидеть эту женщину?

– Да. Просто уверена, что рано или поздно я ее встречу.

– А без этого брака – никак? Кто может запретить тебе появляться на всех этих тусовках?

– Понимаешь, прошло много лет... Эта женщина уже не молода. Я бы хотела в случае, если все же не увижу ее, завести знакомство с ее ровесниками и попытаться найти ее через них. Порасспрашивать, была ли такая пианистка, ну или жена, вдова пианиста или музыканта...

Скажу открытым текстом, что была как-то в таком-то доме, что в моей детской памяти сохранились определенные воспоминания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.